

3. К ПЬЕСЕ «МАСТЕРИЦА ВАРИТЬ КАШУ»

а) ЯВЛЕНИЕ 12

Осторожно слагает альбом с рук на стол, обдувает и обтирает руки, обертывает пальцы платком, чтобы не повредить альбома, раскрывает с осторожностью (Вот, например. (Клементьев наклоняется, Иннокентиев кладет ему на грудь руку, удерживая подальше). Тише, тише, не нагибайтесь близко, — подальше, чтобы не дохнуть на бумагу, чтобы не повредить.

Клементьев. Что ж это? Еловые шишки, кажется, на осиновых или березовых ветках, что ли? Так зачем же они связаны? И что такое торчит из середины, — полштофа, что ли? Рисунок для вывески, водка перегнанная на еловых шишках и березовых почках? Крепительное для желудка?

Иннокентиев. Что вы, Платон Алексеевич! Где у вас глаза? Какие же еловые шишки? Розы, — букет роз, видите?

Клементьев. А, если так, то согласен, ошибся. Но зачем же в букете вставлен полштоф?

Иннокентиев. Помилуйте, какой же полштоф? Как же не видеть, флакон с духами.

Клементьев. Господи, твоя воля! В букете роз флакон с духами!

Иннокентиев. Это пока еще не больше, как проект, потому что только сейчас родилась у Агнесы Ростиславовны мысль, — но к вечеру эта мысль будет переведена в факт, и нюхая букет, можно будет наслаждаться более изящным ароматом, какой издает флакон, — кроме фактического достоинства, это изобретение будет иметь и эмблематический смысл: угадывайте, какой?

Клементьев. Не знаю; вижу только, что розы тут вышли более похожи на еловые шишки.

Иннокентиев. Да, техника у Агнесы Ростиславовны несколько слаба. Но мысли гениальные. Как же? Это дает вместо грубого запаха тонкий и вместе служит символом: этот букет — человек, или общество; а флакон, дающий ему высшее достоинство — цивилизация, — вы понимаете, не правда ли? Гениальная идея! А придавать идеям Агнесы Ростиславовны техническую отделку, это уж занятие ее помощников, дело Андрея Дементьича и мое. То, что я показал вам, — только первый эскиз, во всей девственной чистоте и прозрачности идеи. Андрей Дементьич сделает из этого рисунок, удовлетворяющий обыкновенным требованиям формы. Это полезная, но не великая работа. Главное, идея. Идея всегда и во всем принадлежит Агнесе Ростиславовне. Андрей Дементьич добросовестно признает это, и не гордится своими поэтическими и художественными трудами, справедливо приписывая все их достоинство гениальной инициативе, творческим идеям Агнесы Ростиславовны. Так смотрю и я на свою долю заслуг в трудах, производимых мною по ее идеям, под наитием ее мысли, при помощи ее указаний и советов. Вот, я сейчас покажу вам, — я пишу историю, — сейчас принесу (хочет итти).

б) ЯВЛЕНИЕ 18

Городищев. Я опасаясь, не почувствовали ли, Агнеса Ростиславовна, что подле реки сыро.

Агнеса Ростиславовна. Да. Но кажется, я не замочила подол. Городищев. Надобно принять предосторожности против простуды ног. Вероятно, от того и усталость у вас, Агнеса Ростиславовна, что ноги несколько чувствуют простуду.

Агнеса Ростиславовна. Да.

Городищев. Наденька!

ЯВЛЕНИЕ 19

Те же. Надя, несет мису, потом несет чашку с духами.

Городищев. Наденька, опустите ваши руки в теплую воду, — или погодите (смотрит на Агнесу Ростиславовну). Погодите, Наденька, я сам...

(*смотрит на Агнесу Ростиславовну*). Я сам... прежде попробую воду (*опускает руку в мису. Подбегает к Агнесе Ростиславовне. Тут в нем мучение страшного колебания: как это понравится Агнесе Ростиславовне? А она не возьмет в толк сразу, что у него на уме*). Наденька, погодите (*смотрит на Агнесу Ростиславовну, которая все время умильно поводит глазами и немножко носом*).

Городищев (*подбегая к Клементьеву*). Добрый друг, прошу вас —, выйдите на минутку в сад, — Агнесе Ростиславовне необходимо принять гигиенические предосторожности. После я представлю ей вас. Сидор Иванович, будьте добр, погуляйте с Платоном Алексеевичем.

(Клементьев и Иннокентиев уходят.)

Городищев. Агнеса Ростиславовна, я подумал, что у Нади руки не могут быть совершенно мягки, — как бы то ни было, она часто держит в них утюг; это должно сушить кожу.

Агнеса Ростиславовна (*поводит носом*). Да.

Городищев (*Наде*). Милая Наденька, Агнеса Ростиславовна отпускает вас. Я позову, когда вы будете нужны.

Агнеса Ростиславовна. Да.

Надя уходит, Городищев закрывает ноги Агнесы Ростиславовны одеялом и опускает руки в мису.

ЯВЛЕНИЕ 20

Агнеса Ростиславовна, Городищев с руками в мисе.

Агнеса Ростиславовна (*все томно*). Милый.

Городищев. Агнеса Ростиславовна, если бы вы знали, как трепетало мое сердце, когда я решился заменить в этом случае Надю, — я знал, что мои руки мягче, что я менее Нади раздражу трением ваши нежные нервы, что мои руки легче исполняют эту манипуляцию, — но... когда я думал об этом, мое сердце так трепетало...

Агнеса Ростиславовна. Да.

Городищев (*отирает руки, становится на колени у ног Агнесы Ростиславовны, засовывает руки под одеяло. Агнеса Ростиславовна постепенно поворачивается с бока на спину. Он вытаскивает из-под одеяла башмаки, потом подвязки, потом чулки*). Довольно ли ловко я разуваю, Агнеса Ростиславовна? Я боюсь, не грубо ли я касаюсь.

Агнеса Ростиславовна. Нет, нежно; нежно; да, нежно.

Городищев (*опять к мисе, снова опускает руки*).

Агнеса Ростиславовна. Милый... Что же Клементьев? Зачем?

Городищев. Хочет жениться, а денег мало; приехал попросить у вас.

Агнеса Ростиславовна. Я дам ему. Я люблю делать счастливых.

Городищев (*между тем подошедший опять, ставший на колени, льет на руки духи, запускает руки под одеяло*). Простите мою дерзость, Агнеса Ростиславовна, но я считаю необходимым для вашего здоровья натереть вам ноги по крайней мере до половины икр.

Агнеса Ростиславовна. Нет.

Городищев. Простите мою дерзость. Это необходимо (*льет опять духи и засовывает руки*).

Агнеса Ростиславовна. Нет, — нет.

Городищев (*переступает на коленях повыше от ее ступней*). Довольно ли еще теплы мои руки?

Агнеса Ростиславовна. Да.

Городищев (*опять льет духи и передвигается еще*). Конечно, он будет раскаиваться, но это долг чести.

Агнеса Ростиславовна. Да — довольно (*кладет руки вместе на своих ногах*).

Городищев. Нет, Агнеса Ростиславовна, навлеку на себя ваш гнев,

но ваше здоровье для меня дороже не только моего спокойствия, даже ваших собственных желаний.

Агнеса Ростиславовна. Милый... но довольно.

Городищев *(встает)*. Не совсем довольно, Агнеса Ростиславовна, но не смею ослушаться вас *(целует руки ее, лежащие вместе на ногах)*.

Агнеса Ростиславовна. Благодарю вас, милый... поцелуйте меня. *(Городищев благоговейно целует, она только с нежностью держит рыло под поцелуями, сама не двигая губами, а только томно закрывает глаза)*.

Агнеса Ростиславовна. Милый... позовите.

Городищев. Позвольте мне самому и обуть вас.

Агнеса Ростиславовна. Пусть... Надя.

(Городищев становится на колени и обувает, все это под одеялом. Она все держит руки сложенными на ногах).

Агнеса Ростиславовна. Милый, благодарю... поцелуйте меня еще *(поцелуй в прежнем порядке)*. Милый... Теперь, позовите *(закрывает глаза и лежит так)*.

Городищев. Наденька.

(Надя входит и выносит мису, — потом чашку, а между тем Городищев выходит в другую дверь, возвращается, за ним входит Клементьев и Иннокентиев).

4. К ПОВЕСТИ «ВЕЧЕРА У КНЯГИНИ СТАРОБЕЛЬСКОЙ»

а.

Первый день жизни Вязовского у княгини Старобельской

Утром после того вечера, когда Глинский был в первый раз у княгини Старобельской, он, в половине 12-того приехал к ней и велел доложить княгине, что имеет надобность видеться с г. Вязовским и просит у княгини дозволения после того видеть ее. Доложив ей, ему отвечали, что княгиня не может принять его раньше 12 часов, когда будет завтракать, потому что до завтрака она занимается с детьми; что за завтраком она будет рада видеть г. Глинского; к Павлу Сергеевичу проводит его Яков Иванович, который сейчас выйдет в этот зал; и если разговор г. Глинского с Павлом Сергеевичем кончится раньше завтрака, то княгиня просит его подождать в библиотеке.

Вышел Яков Иванович, повел Глинского к Вязовскому и по пути рассказал, что он и его племянник Алеша слышали и видели в своих наблюдениях, не нужны ли их услуги Павлу Сергеевичу.

Алеша, пятнадцатилетний мальчик, брат Наташи, годом моложе, прислуживал под надзором матери, дяди и старшей сестры, Володе; но вчера, перед отъездом княгини к Вязовскому, ему было сказано, что он будет прислуживать гостю, которого привезет княгиня, а этот гость встает в 6 часов; и хотя завтра будет спать, по всей вероятности, гораздо дольше, но — кто ж его знает, может быть встанет и в обыкновенное свое время; потому Алеша должен в 6 часов идти в зал перед его комнатами и сидеть там. Алеша немедленно занялся приготовлением своих уроков — отец и дядя учат его — и, как приготовил их, лег спать.

— Проснувшись в 5 часов и наскоро напившись чаю, Алеша пошел ждать, когда понадобятся его услуги Павлу Сергеевичу, — рассказывал Яков Иванович: — Он мальчик любознательный, ему хотелось поскорее увидеть такого ученого человека, каких мало на свете, и он очень жалел, что не мог видеть его вчера. — Взяв с собой книгу, он сел и читал в зале перед комнатами Павла Сергеевича. Дверь в первую комнату была притворена неплотно, как оставил я ее, уходя; Алеше было видно, что лампа продолжает светить там полным своим светом; он думал, что Павел Сергеевич не лег спать; пришлось не спать до 4 часов, то Павел Сергеевич и рассудил, что не стоит ложиться, при его привычке вставать в 6 часов, сидит и читает или пишет. Но скоро Алеша заметил, что это не так: в комнате не было ни малейшего шо-